

Жанна Марія Гюйонъ.

Артура Уайтъ *).

Фенелонъ и г-жа Гюйонъ являются оба свѣточами на мистическомъ пути, но свѣтъ ихъ устремленъ въ томъ направленіи, гдѣ душѣ не найти прочнаго пристанища.

Между ними стоялъ осторожный Боссюэтъ, и всѣ трое представляли такое созвѣздіе, какое не часто встрѣчается на историческомъ горизонтѣ. Не легко дать ихъ сравнительную характеристику и не легко установить ихъ мѣсто въ блестящей, разнузданной и лишенной вѣры эпохѣ Людовика XIV. Можно бы многое сказать въ защиту Боссюэта, положеніе котораго было очень затруднительно и который не въ состояніи былъ подняться на большую высоту. Точно также многое можно сказать и въ пользу г-жи Гюйонъ, противъ которой онъ сыгралъ роль орудія въ рукахъ церкви; у нея были недостатки и въ мистическомъ сознаніи, и въ логикѣ, но она была проникательная женщина и проявляла большую дѣятельность.

Что касается глубокой стороны ея духовныхъ переживаній, ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Цѣль и конецъ внутренней жизни въ томъ, чтобы человекъ *узналъ* въ совершенствѣ Того, въ Кого вначалѣ онъ только *вѣрилъ*. 2) Это—состояніе, совсѣмъ не извѣстное людямъ, живущимъ въ міру;

*) Статья эта была вызвана появившейся биографіей г-жи Гюйонъ: The Life, Religions opinions and experience of madame Gujon. By Thomas C. Upham. London 1907.

состояніе, о которомъ люди, живущіе въ подчиненіи церковнымъ правиламъ, могутъ только мечтать и которое далеко отъ нихъ. 3) Корень нашего сознанія можетъ разрастись въ большое дерево, съ помощью котораго мы можемъ подняться на небеса; по свидѣтельству г-жи Гюйонъ она испытала такое поднятіе. 4) Причиной тому—наше законное наслѣдственное право на Обитель Отца; сама г-жа Гюйонъ считала свое наслѣдственное право незыблемымъ и хотя она еще не могла въ совершенствѣ читать письма Божественнаго Закона, она начала по мѣрѣ силъ знакомиться съ этими письмами. 5) Но она не вполне понимала, что Богъ даетъ Свои дары избраннымъ не въ виду приписываемой людямъ „грѣховности“ и ихъ бѣдственнаго положенія, способнаго вызвать состраданіе, а въ виду ихъ божественнаго происхожденія и въ виду заложенныхъ въ нихъ возможностей. 6) Тайна, которая начинается въ согласованіи съ Богомъ, кончается въ Божественномъ Единеніи, и г-жа Гюйонъ знала не мало глубинъ, а также и высоту, которыя заключаются въ высочайшемъ подчиненіи волѣ Бога. 7) Она знала также, что путь подчиненія, согласованія и успѣха, есть путь любви.

Если бы я говорилъ съ одними мистиками, я считалъ бы что этихъ указаній совершенно достаточно для воспоминанія о г-жѣ Гюйонъ. Но такъ какъ я обращаюсь къ различнымъ читателямъ, то необходимо, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію истинной причины гоненія на нее со стороны церкви, упомянуть и о виѣшной сторонѣ ея жизни.

Г-жа Гюйонъ, урожденная Марія Бувьеръ де ла-Моть, родилась 13 апрѣля 1648 г. Она была еще ребенкомъ, когда королева Генріэта Марія, вдова Карла I, короля англійскаго, посѣтила ея отца въ Монтаржи, провинціи Орлеана. Этого достаточно для указанія на социальное положеніе ея семьи, жившей во времена Людовика XIV. Она была дитя монастырской жизни, почти съ самаго начала своей жизни была послушницей въ Урсулинской, Бенедиктинской и Доминиканской монастырскихъ школахъ, и она не только училась съ успѣхомъ, но и „преуспѣвала въ путяхъ Господнихъ“, на которые призываются избранные люди „отъ шатровъ Кедрона до Іерусалима“.

Она была выдана замужъ на шестнадцатомъ году жизни за Якова Гюйона, который уже приближался къ сорока годамъ. Благодаря его матери, она слишкомъ рано познакомилась съ горестями жизни. Этотъ бракъ былъ бы и при другихъ обстоятель-

ствахъ не изъ счастливыхъ, но безъ свекрови онъ могъ бы быть все же сноснымъ.

Она стала матерью пяти дѣтей и лишилась мужа, когда ей едва минуло тридцать лѣтъ. Есть основаніе думать, что ея расположеніе къ духовной жизни способствовало охлажденію къ ней ея мужа, а его смерть повела къ ея освобожденію отъ тираніи свекрови.

Въ числѣ постигшихъ ее бѣдствій слѣдуетъ упомянуть, что ея личная привлекательность сильно пострадала отъ оспы. Она также лишилась двоихъ изъ своихъ дѣтей, къ которымъ, несмотря на свои религіозныя углубленія, она была глубоко привязана. Эти духовныя углубленія прошли черезъ обычныя ступени, присущія жизни души, черезъ періодъ радости, черезъ періодъ просвѣтленія, черезъ періодъ благодати, и, наконецъ, черезъ длинный періодъ тоски, неудовлетворенной жажды и подавляющей темноты. Но можетъ быть главнымъ ея несчастьемъ было то, что она принимала отсутствіе радости и утѣшенія за признакъ, что божественная благодать отошла отъ нея совсѣмъ. Подобныя переживанія бывають повидимому всегда, но длятся они только временно, такъ какъ въ лѣтописяхъ подвижническихъ переживаній нѣтъ указанія на ихъ продленіе долѣе извѣстнаго періода. Въ случаѣ съ г-жей Гюйонъ темная полоса длилась долѣе, чѣмъ обыкновенно; но и она кончилась—какъ эти испытанія кончаются всегда—и при томъ болѣе внезапно, чѣмъ начались; и случилось это по ея словамъ въ отвѣтъ на совмѣстную молитву ея и духовнаго ея руководителя отца Лакомба. Перемѣна эта произошла въ іюль 1680 г. Съ этихъ поръ она не переставала чувствовать не только Бога всемогущаго, но и Бога милосерднаго, посылающаго утѣшенія. Можно предполагать, что въ этотъ періодъ она уже играла нѣкоторую роль какъ учитель духовной жизни. Но ея вліяніе ограничивалось лишь тѣснымъ кругомъ ея знакомыхъ, обращавшихся къ ней за совѣтомъ, и кругомъ тѣхъ обездоленныхъ и бѣдныхъ, которымъ ея матеріальныя средства давали возможность помогать. Она никогда не появлялась публично какъ учитель, реформаторъ или пророкъ. И нужно особенно отмѣтить въ ея пользу, что хотя она и получала многія ощутительныя доказательства общенія съ высшимъ міромъ въ видѣ голосовъ и видѣній, но она никогда не полагалась на нихъ, а довѣряла лишь опыту своего собственнаго сердца, въ которомъ божественная жизнь зажгла несокрушимую вѣру.

Что касается внѣшнихъ обстоятельствъ этого періода ея жизни, то она серьезно думала объ удаленіи въ монастырь; но не

смотря на все свое стремленіе къ уединенію, она отказалась отъ этой мысли ради своихъ дѣтей, такъ же, какъ она отказалась позднѣе, но уже по другимъ причинамъ, отъ высокаго положенія въ монастырѣ, которое ей предлагалъ епископъ. Съ другой стороны, она имѣла дѣло съ нѣсколькими претендентами на ея руку и въ одномъ случаѣ даже чувствовала большую сердечную склонность, но она рѣшила навсегда принадлежать одному только Богу. Благодаря этому рѣшенію она продолжала свой собственный духовный путь, причемъ кругъ ея вліянія возрасталъ незамѣтно и дѣлался все шире, захвативъ и ея собственнаго наставника, который скорѣе самъ былъ подъ ея руководствомъ, чѣмъ она—подъ его вліяніемъ.

Совмѣстно съ нимъ и съ д'Арантон'омъ, епископомъ Женевскимъ, она была одно время въ Гексѣ, на границѣ Швейцаріи, гдѣ предавалась работѣ благотворительности и практикѣ религіознаго обученія.

Но это обученіе, которое получило названіе новаго, а въ дѣйствительности было лишь освященіемъ души черезъ сильную вѣру,—начало тревожить руководителей духовенства въ Парижѣ и съ этого времени начались ея испытанія.

Отецъ Лакомбъ, проповѣдовавшій о живомъ опытѣ на пути святости, навлекъ на себя неудовольствіе епископа главнымъ образомъ благодаря совѣтникамъ послѣдняго, и епископъ, привѣтствовавшій ранѣе и его, и г-жу Гюйонъ, и знавшій, что духъ его ученія идетъ отъ нея, рѣшилъ совсѣмъ прекратить ея дѣятельность въ предѣлахъ своего прихода, если она не согласится измѣнить характеръ своей работы.

Вначалѣ онъ признавалъ ея работу исключительно какъ дѣятельность милосердія, а не какъ религіозное ученіе. И въ виду ея энергіи онъ предложилъ ей мѣсто настоятельницы въ одномъ изъ монастырей. Усмотрѣвъ изъ этого, что ея дѣлу будетъ положенъ предѣлъ, г-жа Гюйонъ покинула Гексѣ и направилась въ Тононъ, гдѣ впрочемъ отношеніе высшаго духовенства къ вопросамъ внутренней жизни было не болѣе либерально и выразилось сожженіемъ на площадяхъ книгъ, въ которыхъ рѣчь шла о внутреннихъ переживаніяхъ.

Какъ разъ послѣ ея изгнанія изъ епархіи епископа д'Арантона, нѣкоторыя изъ ея духовныхъ переживаній начали появляться въ печати. Статья, озаглавленная *Духовные Потокѣ*, была ею написана въ Тононѣ, а въ Греноблѣ, ближайшемъ мѣстѣ ея пребыванія, она начала свой мистическій комментарий на Ветхій и Но-

вѣй Завѣтъ. Рядомъ съ этимъ она устраивала у себя частныя собранія для молитвы и бесѣдъ. Около того же времени она издала свою „*Краткую Методу Молитвы*“, которая и до сихъ поръ высоко цѣнится какъ замѣчательное сочиненіе въ области созерцательной жизни.

Темное облако, незначительное во время ея пребыванія въ Гексѣ, разрослось, благодаря появленію этой ея книги, въ цѣлую грозу. Слѣдуя дружескому совѣту епископа, она покинула Гренобль и направилась въ Марсель. Но и здѣсь противъ нея немедленно было возбуждено судебное преслѣдованіе. Тогда она нашла временное убѣжище въ Италіи, а оттуда направилась въ Парижъ лѣтомъ 1686 года; въ это время ей не было еще и сорока лѣтъ. Здѣсь для нея настало затишье на нѣсколько мѣсяцевъ, и г-жа Гюйонъ собрала вокругъ себя кружокъ людей, выдававшихся какъ своимъ высокимъ положеніемъ, такъ и исключительной нравственностью. Но едва закончился годъ, какъ первый ударъ грома грянулъ изъ Рима; обвиненіе шло отъ французскаго Двора и преслѣдованіе началось съ заключенія отца Лакомба, который съ этихъ поръ на протяженіи послѣднихъ 27 лѣтъ своей земной жизни переводился изъ одной тюрьмы въ другую, начиная съ Бастиліи и кончая Олеронскимъ замкомъ. Подстрекателемъ ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ былъ нѣкто отецъ Ламоть—сводный братъ г-жи Гюйонъ. И несомнѣнно, что преслѣдуя ея духовнаго руководителя о. Лакомба, онъ направлялъ свою вражду именно на нее. Преслѣдованія эти не прекращались, и послѣ продолжительнаго періода оскорбительныхъ обвиненій, позорящихъ ея личный характеръ, она также была заключена въ монастырскую тюрьму. Тамъ, среди всевозможныхъ лишеній, она имѣла по крайней мѣрѣ возможность писать и главнымъ результатомъ ея трудовъ въ этой тюрьмѣ были ея объемистые мемуары. Благодаря доброжелательному содѣйствію г-жи Мираміонъ, которая извѣстна въ исторіи какъ женщина высокаго духовнаго настроенія, и которая имѣла вліяніе на г-жу де-Ментенонъ, враждебность послѣдней превратилась въ участіе и она ходатайствовала за нее передъ королемъ. Результатомъ этого ходатайства было освобожденіе г-жи Гюйонъ изъ заключенія, продлившагося восемь мѣсяцевъ. Это доброе дѣло со стороны морганатической жены французскаго короля сблизило обѣихъ женщинъ и вызвало со стороны г-жи де-Ментенонъ глубокое почитаніе къ г-жѣ Гюйонъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что только послѣ перваго тюремнаго заключенія на горизонтѣ жизни г-жи Гюйонъ поднялась звѣзда

Фенелона. Слѣдовательно, ея отношеніе къ Фенелону вовсе не было результатомъ долгаго знакомства, какъ предполагають многіе. Но такъ какъ никто не могъ быть болѣе освѣдомленъ относительно ея жизни и ея личности, чѣмъ епископъ Камбрійскій,— то онъ долженъ былъ дѣйствовать по отношенію къ ней съ самаго начала вполне сознательно. Несомнѣнно, что онъ овладѣлъ ея сердцемъ сразу, и несомнѣнно также, что она увидѣла въ немъ новаго руководителя—по крайней мѣрѣ со стороны догматической—для своихъ литературныхъ работъ; и несомнѣнно такъ же, что она склонила его въ сторону своихъ мистическихъ убѣжденій. Между ними существовала длинная и частая переписка, были также и многочисленныя свиданія. Онъ, съ своей стороны, превратился въ нѣкоторомъ родѣ въ апостола внутренней жизни; и хотя онъ могъ давать ей совѣты и указанія въ вопросахъ догматическихъ, онъ въ то же время былъ такъ мало способенъ „спасти“ ее, что вмѣсто спасенія „погибъ“ самъ. Поэтому его покровительство не имѣло для ея судьбы большого значенія, развѣ только увеличило ея извѣстность.

Въ 1689 году ея книга о Молитвѣ была сожжена на площади въ большомъ количествѣ экземпляровъ и около того же времени ея враги, старавшіяся вначалѣ погубить ее съ помощью поддѣльнаго документа, пробовали ее отравить, подкупивъ для этой цѣли ея слугу.

Слѣдующимъ выдающимся событіемъ въ ея исторіи было вмѣшательство Боссюэта, который въ своей книгѣ наставленія о молитвенныхъ состояніяхъ заявилъ себя противникомъ ея идей, не называя ее при этомъ по имени. Боссюэтъ былъ также въ числѣ судей, когда возникло противъ нея преслѣдованіе, но явнаго осужденія съ его стороны не послѣдовало, и повидимому его отношенія къ г-жѣ Гюйонъ сложились скорѣй благодаря воздѣйствію ея враговъ, а не благодаря личному убѣжденію.

Какъ бы то ни было, а дѣло кончилось тюремнымъ заключеніемъ на этотъ разъ въ Венсенскомъ замкѣ. Позднѣе она была переведена въ Вожираръ, а оттуда въ Бастилію, гдѣ оставалась четыре года, по окончаніи которыхъ ее наконецъ освободили. Послѣ этого, она жила вынужденной изгнанницей въ Блоа, гдѣ и умерла въ 1817 году, достигнувъ, несмотря на всѣ пережитыя бѣдствія и преслѣдованія, почти семидесятилѣтняго возраста.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть самую важную сторону ея судьбы, а именно, отношеніе духовенства къ тому, что получило названіе квіэтизма, т. е. достиженія того покоя внутренней

жизни челоуѣка, который является вслѣдствіе отождествленія его воли съ волей Бога. Оффиціальная церковь, даже въ самой своей нетерпимой формѣ, вовсе не является врагомъ *внутренней* жизни,— на томъ основаніи, что она считаетъ себя хранителемъ и учителемъ *внѣшней* доктрины со всѣми ея церемоніями и ритуалами; и въ дѣлѣ г-жи Гюйонъ мы видимъ преслѣдованіе ученія о внутренней жизни не вообще, а только въ той формѣ, въ которой послѣдняя была выражена г-жей Гюйонъ и Фенелономъ. Въ то же время, тайны этой внутренней жизни, ученіе о внутреннемъ совершенствованіи и о необходимости святости, встрѣчаются постоянно во всей церковной литературѣ. Лично я совершенно убѣжденъ, что католическая церковь, какъ живая сила, проникающая всю общину вѣрующихъ, несомнѣнно сознаетъ, что цѣнность всѣхъ внѣшнихъ ритуаловъ зависитъ отъ ея внутренняго достоинства. Она можетъ утверждать—и это вполне естественно для внѣшней церкви, что всѣ ея ученія должны быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ; что всѣ ея дѣйствія должны приниматься на вѣру; что ея церемоніалы освящены высокимъ авторитетомъ; но она никогда не утверждала, чтобы таинство божественной истины не превышало всякую мѣру опыта и догматическаго выраженія. И въ то же время, никто не утверждалъ съ такой настойчивостью, что царствіе Божіе внутри челоуѣка, какъ это утверждали церковные писатели. Но если это такъ, почему же церковь преслѣдовала и заключала въ темницу такихъ людей, какъ Молиносъ или г-жа Гюйонъ? Почему Римъ накладывалъ печать молчанія на уста архіепископа Фенелона косвеннымъ осужденіемъ его книги *Правила Святыхъ*? Мнѣ кажется, что на это существуетъ вполне ясный и убѣдительный отвѣтъ.

Возьмемъ прежде всего случай съ Молиносомъ, который въ дѣйствительности былъ предшественникомъ г-жи Гюйонъ. Онъ говорилъ въ Испаніи совершенно то же, что немного позднѣе говорила во Франціи г-жа Гюйонъ. Онъ продолжалъ томиться въ темницѣ инквизиціоннаго суда въ Римѣ, когда она была судима въ Венсенѣ. Хотя они оба и жили одновременно, но нѣтъ никакого основанія предполагать, что она знала его иначе, какъ по наслышкѣ; только въ позднѣйшій періодъ ея жизни книга Молиноса *Духовный Руководитель* могла попасть въ ея руки, а что касается его, то онъ, несмотря на взводимое на него обвиненіе, едва ли могъ знать что-нибудь объ ней, оставаясь такъ долго въ четырехъ стѣнахъ своей темницы. Вся сумма принциповъ и внутренняго опыта, которая въ дѣлѣ Молиноса получила названіе

квіэтизма—и это въ свое время было названіемъ презрительнымъ—соотвѣтствовала настолько принципамъ и упражненіямъ госпожи Гюйонъ, что и ея система мысли получила то же самое названіе. Молинось училъ о возжиганіи внутренняго свѣта путемъ вѣры. Г-жа Гюйонъ учила тайнѣ соединенія съ Богомъ черезъ Христа также путемъ вѣры и рядомъ съ этимъ говорила о необходимости посвященія каждаго своего дѣйствія Богу и объ освященіи путемъ внутренней святости всей внѣшней жизни. Цѣлью земной жизни было для нея достиженіе того состоянія, которое она называла „чистой или безкорыстной любовью“, состоянія, наиболѣе приближающагося къ тому божественному единенію, о которомъ еще есть возможность говорить на человѣческомъ языкѣ.

Во всемъ этомъ я не вижу ничего, что могло бы быть неприемлемо для Рима. Судя по этому, вина заключалась не въ самыхъ принципахъ, а въ чемъ то иномъ, что давало церкви поводъ смотрѣть на это ученіе какъ на ересь, которую она была обязана искоренять. Мы знаемъ, что это право искорененія, какъ бы мы ни смотрѣли на него, для самой церкви являлось священнымъ правомъ, и съ этой точки зрѣнія квіэтизмъ былъ такимъ ученіемъ, которое безсознательно для себя имѣло склонность упразднить церковное служеніе.

Послѣ того, какъ протестантскія ереси оторвали часть міра отъ Рима, въ самыхъ его нѣдрахъ возникала система мысли, которая легко могла упразднить самую нужду въ церкви.

Квіэтизмъ былъ продуктомъ своего времени и въ основѣ своей онъ не отличался отъ общихъ основаній мистической жизни; провозглашеніе квіэтизма, по которому мистическая любовь на своей высшей ступени упраздняла даже самую заботу о спасеніи любящаго, было въ духѣ того времени; это было отвѣтомъ человѣческой души на ученіе о наградахъ и наказаніяхъ съ его грубыми спутниками: денежными сдѣлками или индульгенціями, съ его торговлей молитвами и обѣднями. Это было также отвѣтомъ на насиліе, налагаемое предписанными правилами аскетической жизни, хотя сами протестующіе и не сознавали своего протеста, какъ напр. г-жа Гюйонъ, которая сама непрочь была налагать жестокія эпитиміи. Но въ конечномъ своемъ выводѣ, квіэтизмъ означаетъ успокоеніе души въ Богѣ, какъ въ тихомъ прибѣжищѣ, отъ всего напряженія земныхъ дѣятельностей, которыя имѣютъ силу отвлекать душу отъ центра духовной жизни.

Ясно, вслѣдствіе этого, что отношеніе между этой точкой зрѣнія и ученіемъ о Единеніи съ Богомъ почитаемыхъ отцовъ

церкви сводится скорѣе къ идентичности обоихъ воззрѣній; и много разъ было указывается на то, что Маргарита изъ Алакока была причислена къ лику святыхъ—возможно, что это совершилось подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, но тѣмъ не менѣе ея причисленіе къ лику святыхъ совершилось—за то, что она выражала тѣ же самыя мысли, какія высказывалъ и Молинось до нея. Оба были испанскіе мистики созерцательнаго характера и Маргарита высказывала мысли, во многомъ превышавшія образъ мысли Фенелона, который, рядомъ съ мистическимъ сознаніемъ, обладалъ большой дозой логической разсудочности.

Когда Фенелонъ силою вещей пришелъ въ столкновеніе съ Боссюэтомъ и съ силой, стоявшей за послѣднимъ, онъ считалъ, что самое ученіе о внутренней жизни было привлечено къ суду, а для него это ученіе было равнозначущимъ съ самой сущю христианства.

Яблокомъ раздора оказалось небольшое сочиненіе, озаглавленное *Правила Святости*, и послѣдствіемъ распри было осужденіе этой книги, но выраженное—въ виду высокаго положенія автора—съ такой осторожностью, что осуждалось неправильное толкованіе церковныхъ ученій, а не самый смыслъ книги. Не смотря на эту осторожную политику, книга носить на себѣ ясныя признаки, что корень и стволъ дерева, выросшаго во Франціи, пустили изъ себя чуждые вѣтки и цвѣты.

Какъ примѣръ такихъ цвѣтовъ можно привести слѣдующія изреченія: 1) что святая душа можетъ извлечь изъ Слова Божія важныя вещи, которыя иначе остались бы непознанными; 2) что рѣшенія души, въ состояніи непоколебимой вѣры, являются голосомъ Святаго Духа, пребывающаго въ душѣ; 3) что души, испытавшія на себѣ высшее освященіе, не имѣютъ такой нужды во внѣшнемъ богослуженіи, какъ обыкновенные люди.

Тотъ фактъ, что эти положенія были смягчены и даже сведены къ отрицательной величинѣ, благодаря разъясненіямъ прелата—не могли смягчить ихъ неприемлемаго для церкви значенія. И не можетъ быть сомнѣнія, что то, что было отрицательно и лишь слегка намѣчено у Фенелона, превратилось въ положительное и вполне выясненное у г-жи Гюйонъ; послѣдняя, благодаря своему ученію объ отпущеніи грѣховъ въ силу вѣры, перешла, не замѣчая того, въ лагерь протестантовъ.

Все, происходящее на высшихъ планахъ, совершается, по ея убѣжденіямъ, исключительно между душой и Богомъ, и въ ея системѣ совсѣмъ нельзя найти мѣста для вмѣшательства церкви

и ея таинствъ. Поэтому нельзя удивляться, что г-жа Гюйонъ и Фенелонъ оказались опасными въ глазахъ ревнивой и исключительной католической церкви, которая стремилась быть единственной хранительницей вѣры святыхъ и единственной посредницей, поддерживающей содержаніе этой вѣры. Анализируя свойства мысли и святости г-жи Гюйонъ и Фенелона, я не нахожу въ нихъ того, что можно бы назвать мистическимъ свѣтомъ: у первой способъ выраженія слишкомъ часто принимаетъ оттѣнокъ истерическій, у второго большая часть его *Правиль Святости* не далеко отходить отъ банальности; въ общемъ ихъ система мысли не представляетъ прочнаго пристанища.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что г-жа Гюйонъ была хорошо знакома съ внѣшней стороной мистической жизни и я увѣренъ, что она не лишена была и нѣкотораго личнаго мистическаго опыта. Возможно, что Фенелонъ, обладавшій болѣе разсудочной и сдержанной природой, видѣлъ нѣкоторыя вещи яснѣе, чѣмъ она, но оба они стояли на первоначальной ступени.

Не желая оправдывать приемы и методы католической церкви, я не могу не сказать, что оба они, черпавшіе свои первыя вдохновенія изъ нѣдръ церкви и отъ нея же получившіе свое первое знаніе, должны были сознать яснѣе, что богослуженіе и строгое исполненіе обрядовъ представляетъ собой также надежный путь, по которому душа можетъ приблизиться къ вратамъ Посвященія. Если бы г-жа Гюйонъ обладала большею мудростью, она не только избѣжала бы преслѣдованія, но даже могла бы быть причислена къ лику святыхъ.

Въ заключеніе хотѣлось бы сказать слѣдующее: въ наше время мистическая жизнь снова предается суду, но только въ иномъ смыслѣ, чѣмъ во времена Фенелона; не передъ судомъ Рима или Королевскаго Двора, а передъ лицомъ интеллигентнаго міра является она какъ та область знанія, которая одна еще осталась неиспытанной, послѣ того какъ всѣ остальные области оказались недостаточными.

Пер. Е. П.

